

Асанова У.К. УДК 39(477.75):001.891–057.4 1920–1930 НАРОДОВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ В ПРОЦЕССЕ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КРЫМСКОЙ АССР (1921-1941 гг.)

Аннотация. Период создания музейной сети в Крымской АССР (1921–1927 гг.) совпал с началом осуществления новой политики Советской власти в области межнациональных отношений. В обобщенном виде данные мероприятия получили название «коренизации», предполагавшей широкое привлечение национальных кадров к работе в органах государственного управления, приоритетное внимание к развитию и сохранению культуры народов, находившихся в менее выгодных условиях национального развития в досоветскую эпоху.

В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, посвященный истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (г. Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в обеспечении организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, КрымОХРИС, У. А. Боданинский, А. И. Полканов, археологические раскопки.

Анотация. Період створення музейної мережі в Кримській АРСР (1921-1927 рр.) співпав з початком здійснення нової політики Радянської влади в області міжнаціональних відносин. В узагальненому вигляді дані заходи отримали назву «коренізації», що передбачає широке залучення національних кадрів до роботи в органах державного управління, пріоритетну увагу до розвитку і збереженню культури народів, що знаходилися в менш вигідних умовах національного розвитку в дорадянську епоху.

До наукового обігу вводится новий корпус архівних документів, присвячений історії музейного будівництва у Криму в першій половині 20-тих рр. XX ст., виявлений у фондах Державного архіву Російської Федерації (м. Москва). Аналізується участь центральних органів Народного комісаріату освіти РРФСР в цьому процесі, репрезентуються форми співпраці керівних органів та їх регіональних підрозділів у забезпеченні організаційної, методичної, матеріальної, дослідницької ініціативи в процесі роботи кримських музеїв.

Ключові слова: музеї, Кримська АССР, Головмузей Наркомату освіти РРФСР, КримОХОРИС, У. А. Боданинский, О. І. Полканов, археологічні розкопки.

Summary. During the creation of the museum network in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921-1927 gg.) Coincided with the beginning of a new policy of the Soviet government in the field of international relations. In summary, these activities are called "indigenization", suggests a broad involvement of national staff to work in government, priority to the development and preservation of culture of the people who were disadvantaged compared to the national development in the pre-Soviet era. This policy was aimed at the speedy integration of so-called. "Small people" in general Soviet ideological and cultural space. At the same time declared the right of nations to self-determination, including - the right to an identity and uniqueness of the material, artistic and applied culture.

The activities of the museum employees was subject to the basic ideas of national policies undertaken by the government, which led to significant distortions of objective-historical meaning of the last people of Crimea, an attempt to instill a "class" approach to the study of the history and culture of the peoples of the Crimea was the beginning of the process of creating an unbalanced picture of the ethnic history of the peninsula.

The new case of archival documents devoted stories of museum building in Crimea in first half 20th XX century is entered into a scientific turn, revealed in funds the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of the central bodies of the State commissariat of education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums are represented.

Keywords: museums, Crimean ASSR, Glavmuzej of the State commissariat of education of RSFSR, КрымОХРИС, У. А. Bodaninsky, A. I. Polkanov, archeological excavations.

Период создания музейной сети в Крымской АССР (1921–1927 гг.) совпал с началом осуществления новой политики Советской власти в области межнациональных отношений. В обобщенном виде данные мероприятия получили название «коренизации», предполагавшей широкое привлечение национальных кадров к работе в органах государственного управления, приоритетное внимание к развитию и сохранению культуры народов, находившихся в менее выгодных условиях национального развития в досоветскую эпоху. Такая политика имела своей целью скорейшую интеграцию т. н. «малых народов» в общесоветское идеологическое и культурное пространство. При этом декларировалось право нации на самоопределение, в том числе – право на самобытность и уникальность материальной, художественной и прикладной культуры [1].

В Крыму проявления политики «коренизации» выразились в «татаризации» – приоритетном внимании к развитию культуры, искусства и изучению этнической истории и быта крымских татар. Согласно данным переписи населения 1926 г. доля крымских татар составляла только 26% от общего числа населения Крымской АССР. При этом уровень представительства крымских татар в органах управления, культуры и искусства фактически был равным представительству этнических русских, которые составляли 51% населения Крымской АССР. Крымскотатарский язык был вторым официальным языком автономии, руководящие посты в органах управления республикой (СНК Крымской АССР, ЦИК Крымской АССР, наркоматы автономии) распределялись на паритетных принципах [2, с. 195–231; 12, с. 175–187].

В свою очередь, особенности этнической ситуации в Крыму наложили отпечаток на работу специализированных музейных учреждений. Согласно решениям IV Крымской конференции музейных

работников в сентябре 1926 г., подкрепленным соответствующими постановлениями СНК Крымской АССР от 21 июня 1927 г., профильными учреждениями по сбору, хранению, изучению и экспозиции этнографических материалов должны были стать Государственный Дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Евпаторийский археолого-этнографический (краеведческий) музей и Восточный музей в Ялте [3, л. 3–6; 4, л. 8 об., 98–101]. В связи с этим, выделяется ряд общих тенденций, свойственных развитию народоведческих музеев Крыма в 20–30-е гг. XX в.:

- деятельность музейных работников была подчинена основным идеям осуществлявшейся государственной национальной политики, что приводило к значительным искажениям объективно-исторического смысла прошлого народов Крыма; попытка привить «классовый подход» к изучению истории и культуры народов Крыма стала началом процесса создания несбалансированной картины этнической истории полуострова;
- политика «татаризации», проводимая органами власти Крымской АССР, выявила стремление ограничить изучение культуры и искусства народов Крыма рядом искусственно созданных приоритетных направлений, ключевым из которых стало изучение быта и культуры крымских татар. Данный подход стимулировал определенный всплеск интереса к истории крымскотатарского народа, однако, аккумулярованные усилия носили зачастую политизированный характер;
- этнографические штудии музеев в Крымской АССР не имели системной программы и руководства, что стало причиной частых конфликтов между разными музейными учреждениями, попыток искусственно создать обособленные центры изучения культуры и искусства с претензией на руководство всем процессом изучения народов Крыма; данные попытки также стали следствием осуществления политики «татаризации», непосредственные проводники которой кроме безусловной активизации и массового характера исследовательской и популяризаторской деятельности, вносили и значительное напряжение в процесс функционирования профильных музейных учреждений.

Наиболее масштабно, последовательно и результативно все перечисленные тенденции особенностей этнонациональной политики в Крымской АССР в 20–30-е гг. XX в. отразились в деятельности Государственного Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. История данного музейного учреждения начинается в 1917 г., официальный статус музея был присвоен Ханскому дворцу в Бахчисарае 4 октября, а первым директором был назначен У. А. Боданинский. В годы Гражданской войны уникальный дворец несколько раз становился предметом притязаний со стороны практически всех властей, устанавливавших свой контроль над городом. В свою очередь, экспозиция музея пополнялась за счет пожертвований местных жителей, в течение 1918 г. количество экспонатов увеличилось до 1000. Попытки дирекции музея обратить внимание на плачевное состояние комплекса зданий дворца особого успеха не имели. Так, 21 октября 1918 г., по инициативе Таврической ученой архивной комиссии и Таврического университета было проведено специальное совещание, на которое были приглашены представители Таврического магометанского духовного управления и Вакуфной комиссии. Было принято решение передать музей под управление специальной комиссии из представителей Министерства внутренних дел Крымского краевого правительства и названных уже Таврической ученой архивной комиссии, Таврического магометанского духовного управления и Вакуфной комиссии. Однако, реальную организационную помощь первому специализированному крымскотатарскому музею оказывала только Крымскотатарская национальная директория. В 1919 г. при музее была создана библиотека-архив, которая должна была стать местом сбора и хранения древних образцов татарской литературы и мусульманских рукописей [5, с. 27–28].

Первый период в деятельности Дворца-музея (1921–1927) можно охарактеризовать как время реставрации и создания экспозиции. В этом контексте была построена работа всего коллектива учреждения. Так, в отчете по итогам работы в 1921–1922 гг., У. А. Боданинский отмечал самостоятельный характер работы музея. Однако надзорным органом в работе являлся КрымОХРИС.

Специализированной территорией для музейной экспозиции определялись помещения бывшего Ханского дворца. Кроме того, в ведении музея находились археологические памятники: городища Чуфут-Кале (в предместье Бахчисарая), Мангуп-Кале, Тепе-Кермен (в горной местности к юго-западу от Бахчисарая); сооружения культового характера и кладбища: Эски-Юрт, содержавшее три дюрбе, Кырк-лар – место средневековых татарских захоронений XIII–XIV вв., гробницы Эски-Дюбре и Диляра-Бикеч, мечеть Ешиль-Джами; общественные сооружения, усадьбы и прочие памятники: бани Сары-Гузель, бывший дворец князей Юсуповых в деревне Коккоз и ряд старинных частных домов, фонтанов и хозяйственных построек в Бахчисарае [6, л. 261–263 об.].

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что Государственный Дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае с самого начала своей постоянной деятельности был многоплановым музейным комплексом, при этом, изучение этнографии и сбор этнографического материала крымских татар и тюркских народов оставался приоритетным в его работе. Главной задачей коллектива музея в обозначенный период У. А. Боданинский определял спасение памятников от разрушения, проведение необходимых реставрационных работ, продолжение формирования экспозиции [6, л. 264]. Это объясняет полное отсутствие информации в архивных документах за указанный период относительно непосредственной популяризаторской деятельности музея в эти годы. Охранные и реставрационные мероприятия занимали основное внимание и время сотрудников.

Уже к 1922 г. в музее сложился стабильный коллектив сотрудников. Кроме директора музея (совмещавшего свою должность с обязанностями заведующего уездным ОХРИСом) У. А. Боданинского, экспозицию создавали: научный сотрудник, специалист по крымскотатарской эпиграфике, филолог Осман-

Нури Асанович Акчокраклы, который также получил назначение на должность заведующего Домом-музеем И. Гаспринского в Бахчисарае, смотритель музея Владимир Пенкальский, хранитель – Абдулла Лятиф-заде, старший вахтер – Павел Гонтаренко. Авраам Дубинский работал смотрителем памятников Чуфут-Кале, Абдрахман Шейх-заде исполнял те же функции в Эски-Юрте. Профиль музея определялся У. А. Боданинским как «художественно-исторический». Также было указано на специализацию по изучению и популяризации восточного искусства. Вспомогательными отделами Дворца-музея являлись архив и библиотека, статус филиалов имели Дом-музей И. Гаспринского в Бахчисарае и Дворец-музей Юсуповых в Коккозах. Общее число посетителей за 1921 г. указывалось в более чем 700 человек, более активное посещение музея относилось к летним и осенним месяцам [6, л. 242 об.–243 об.].

Организация систематической исследовательской деятельности Государственного Дворца-музея тюрко-татарской культуры связана с именем выдающегося деятеля крымскотатарской культуры Усеина Абдуредиевича Боданинского (1877–1938). Он родился в 1877 г. в деревне Бадана, Симферопольского уезда Таврической губернии. Место рождения послужило основой для фамилии, разное написание названия селения привело к тому, что в анкетных документах исследователь использовал варианты написания своей фамилии, что, иногда затрудняет поиск, восстановление и анализ его биографии [10, с. 11]. Усеин Абдуредиевич родился в семье преподавателя Симферопольского народного татарского училища. Образование будущий этнограф получил в народной школе (окончил ее в 1888 г.), специальность получил в Симферопольской татарской учительской школе (1895 г.), а высшее специальное образование художника по прикладному искусству – приобрел в Москве в Строгановском художественно-промышленном училище (годы обучения: 1895–1905). Профессиональная деятельность У. А. Боданинского была первоначально связана с Крымом: в 1905–1907 гг. он преподавал графику в Симферопольском коммерческом училище. В 1907 г. Усеин Абдуредиевич снова вернулся в Москву, где ему предложили руководить Художественно-промышленной школой филиала Строгановского училища. С 1911 по 1917 годы художник совершенствовал свое мастерство в Санкт-Петербурге, работая художником-декоратором и выполняя частные заказы на оформление интерьеров. С началом революционных событий 1917 г. он перебрался в Крым, где поступил на работу в Бахчисарайский Дворец-музей [5, с. 38–39; 10, с. 19–35].

Уже к 1925 г. внутри Дворца-музея было сформировано девять отделов, из которых четыре – были посвящены непосредственно крымскотатарской этнографии. Так отдельно были сосредоточены: в первом отделе – ткани, вышивки, ковры, платья; во втором – утварь и мебель; в третьем – глина, стекло, фаянс; в четвертом – ювелирные изделия и украшения. В «Годовом отчете с 1-го октября 1924 г. по 1-е октября 1925 г.» имеется информация о том, что пополнение коллекций в это время стало более систематическим и постоянным, основным видом его был сбор артефактов и предметов быта у местного населения, с которым проводилась необходимая разъяснительная работа. Передача будущих экспонатов (предметов быта, инвентаря, украшений, старинных книг, культовых предметов) производилась на безвозмездной основе [7, л. 14–15].

У. А. Боданинский прилагал значительные усилия по концентрации предметов крымскотатарского быта, материальной культуры и искусства именно в фондах Дворца-музея. Это входило не только в его личные планы как директора учреждения, во многом это было следствием его активного участия в осуществлении основных принципов политики «татаризации» в музейном деле Крыма. Необходимо отметить, что постоянным союзником директора Дворца-музея в претензиях на лидерство был Народный комиссар просвещения Крымской АССР У. В. Балич и руководители КрымОХРИСа А. И. Полканов и Я. П. Бирзгал. Ощутимая административная поддержка профильного куратора от органов власти зачастую помогала в осуществлении управленческих планов Усеина Абдуредиевича. Подтверждением этого является информация о том, что 11 апреля 1924 г. У. А. Боданинский совместно с А. И. Полкановым посетил Ялту, где добился передачи в Бахчисарай ряда коллекций Восточного музея, аналогичную передачу 25 января 1925 г. осуществил и ЦМТ: собрание дополнили 58 предметов крымскотатарского оружия, утвари, платьев и обуви [5, с. 30]. Таким образом, в 1924–1925 гг. Бахчисарайский Дворец-музей пополнился следующими экспонатами: тканей, вышивок, платьев и ковров было получено 36 единиц, предметов утвари – 68 [7, л. 35].

Временем окончательного оформления основной экспозиции Государственного Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае можно считать 1927 г. Согласно решению IV Крымской конференции музейных работников был окончательно определен этнографический профиль учреждения. При этом, однако, предлагалось существенно изменить его структуру. Так, согласно тезисам доклада Я. П. Бирзгала, основное внимание в экспозиции должно было уделяться предметам, исключительно относящимся к культуре, быту и искусству крымских татар. Все остальные экспонаты – персидского, турецкого, кавказского происхождения должны были быть переданы из Бахчисарая в распоряжение Восточного музея Ялты. Кроме того, высказывалась идея о создании отдельного Музея крымскотатарской культуры, который должен был вобрать в себя отделы художественно-кустарной промышленности (созданный непосредственно по инициативе У. А. Боданинского) этнографии, археологии и библиотеку татарской письменности. Инициатива ограничить функции Дворца-музея объяснялись, очевидно, желанием руководителей КрымОХРИСа унифицировать систему управления музейными учреждениями. При этом как видим, особенностью экспозиции, многоплановость и синкретичность коллекций явно во внимание не принималась. Функция охраны памятников археологии и архитектуры всего Бахчисарайского района (прежде всего – средневековых пещерных городов в горах юго-западного Крыма), по-прежнему, закреплялась за дворцом-музеем. Смелые планы реорганизации так и остались планами. С ликвидацией КрымОХРИСа в апреле 1927 г. их реализация была прекращена ввиду отсутствия средств [3, л. 6 об.].

«Отчет о деятельности Государственного дворца и музея татарской культуры в г. Бахчисарае с 1-го октября 1927 г. по 1-е октября 1928 г.» [8, л. 25–32 об.] предоставляет возможность оценить результаты работы по созданию экспозиции, проведенной коллективом музея. Важным фактором эффективности этих усилий стоит считать бездефицитность существования учреждения. Львиная доля средств, выделявшихся на содержание экспозиции и сотрудников, получалась напрямую из бюджета Главнауки Наркомпроса РСФСР, что подтверждало особый статус Дворца-музея. За отчетный год, согласно документу, было получено 28677 рублей, а израсходовано 28449 рублей, при этом доля спецсредств, полученных от собственной деятельности (продажа билетов, организация и проведение экскурсий, устройство публичных докладов и лекций) составляла соответственно 4111 и 3887 израсходованных рублей.

В тексте отчета зафиксирована следующая структура музейного комплекса. Он состоял из трех частей: первую представляли собой непосредственно помещения бывшего Ханского дворца, включавшие в себя здание дворца, гарем, Соколиную башню и внутреннюю мечеть, экспозиция данной части определялась как экспозиция художественно-архитектурного характера; второй составной частью был назван Музей татарской культуры, который разместил экспозицию в фасадных флигелях вдоль реки; третьей частью дворца-музея являлся библиотечный флигель [8, л. 26].

Коллекции музея были распределены по девяти направлениям, которые формировали отделы. В отчете представлена динамика увеличения коллекций, которые пополняли экспозицию. Так, в течение 1927–1928 гг. в музей поступило 83 предмета тканей и вышивки (увеличение с 618 экспонатов до 701), 35 образцов утвари и мебели (с 492 до 527), 5 изделий из стекла и фарфора (с 97 до 102), 16 ювелирных изделий (со 110 до 126), 2 предмета оружия (со 192 до 194), 6 монет (со 149 до 155), 5 скульптурных композиций (с 219 до 224) и 4 орудия народной техники (очевидно, под такой формулировкой понимались предметы сельскохозяйственного инвентаря, с 29 до 33). Всего экспозиция составляла к 1 октября 1928 г. 2062 предмета, увеличение за год составило 153 позиции, при этом пополнений музейного фонда в дворце-музее не произошло и в нем также оставалось на сохранении 350 различных предметов. Свидетельством обострения отношений церкви и Советского государства стоит считать специальное замечание У. А. Боданинского о передаче в течении года коллекции ковров XVII–XVIII вв. и утвари, в том числе – подсвечников XIV в., хранившихся и использовавшихся до этого в мечетях Бахчисарае [8, л. 26 об.].

Значительно увеличился и объем фондов музейной библиотеки: благодаря активному участию АН СССР, ГИМ и Книжной палаты Узбекской ССР (г. Ташкент) и обменной деятельности самого учреждения прирост количества книг за год составил 1542 экземпляра (с 700 до 2242). Библиотека получила отдельное приспособленное помещение, в котором был проведен ремонт и оборудована комната непосредственно для чтения, штатный сотрудник, согласно отчету, завершал работу по каталогизации фондов книгохранилища [8, л. 27–27 об.].

Таким образом, деятельность народоведческих музеев Крымской АССР в 20–30-е гг. XX в. осуществлялась в рамках и контексте национальной политики «коренизации». Благодаря усилиям коллективов Государственного Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Евпаторийского археолого-этнографического музея, Восточного музея в Ялте сложились логические и насыщенные богатыми материалами экспозиции, каждое их музейных учреждений начало самостоятельные научные и популяризаторские исследования, сформировалась их специфика, наметились тенденции сотрудничества. Наиболее важным результатом работы этнографических музеев в этот период стало формирование двух самостоятельных центров изучения татарской и караимской истории, культуры и быта в Бахчисарае и Евпатории соответственно. Во главе музеев стояли компетентные и инициативные руководители – У. А. Боданинский, П. Я. Чепурина, Я. М. Якуб-Кемаль.

Источники и литература:

1. Ибраимов В. На пути самоопределения национальностей / В. Ибраимов // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 5–7.
2. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – К. : Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 15).
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-2865. Центральный музей Тавриды, оп. 2, д. 2. Протокол заседания IV Всекрымской музейной конференции, 12.09.1926–13.09.1926 г., 22 л.
4. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-652. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, оп. 1, д. 1204. Протокол № 12 заседания Совета народных комиссаров Крымской АССР от 21 июня 1927 г. с приложением материалов, 21.06.1927–25.06.1927 г., 156 л.
5. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Таврия, 2004. – 214 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 2).
6. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 3, д. 130. Анкеты, сведения о дворцах-музеях, присланные в Главнауку, 07.1922–02.1923 г., 318 л.
7. Государственный Исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников, ф. 54. Коллекция документов по музейному строительству, оп. 1, д. 998. Отчеты Дворца-музея татарской культуры в Бахчисарае, 1921–1927 гг., 98 л.
8. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 13, д. 33. Отчеты о деятельности местных музеев за 1927–1928 гг., 15.11.1928–03.11.1929 г., 54 л.